

НАША СТРАНА

Год издания—42-ой. Буэнос Айрес, суббота 2 июня 1990

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 2 de junio de 1990 № 2078

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

СКОЛЬКО ЗАРАБАТЫВАЛИ НАШИ ПРЕДКИ И СКОЛЬКО ЗАРАБАТЫВАЕМ МЫ?

Один из самых распространенных миров в истории России — мир о нищенской оплате трудящихся по сравнению с западноевропейскими странами.

Возник он в конце 19-го века и усиленно пропагандировался российскими либералами и социалистами как подтверждение их тезиса о вековой культурной и экономической отсталости России. Утверждение о нищенской оплате труда в России стало общим местом, своего рода аксиомой, не требующей доказательства.

В 20-е годы нашего века этот якобы бесспорный исторический факт решил проверить замечательный русский экономист и статистик С. Г. Струмилин. Он поднял архивные материалы, произвел необходимые расчеты и пришел совсем к иным выводам. Оплата труда в России была далеко не нищенской, а ее уровень во многих случаях был даже выше уровня оплаты труда основных западноевропейских стран.

Данные свидетельствовали о том, что высокий уровень оплаты труда сложился в России еще в древности. Митрополит Макарий в своей «Истории Русской Церкви» приводит историческое предание о Ярославле Мудром, решившем в середине одиннадцатого века построить Георгиевскую церковь в Киеве, но в начале не нашедшем достаточно строителей.

Князь спросил: отчего мало делателей? Ему ответили: люди боятся, что лишены будут платы. Тогда князь приказал возить куну на телегах к месту стройки и объявить на торгу, что каждый получит «за труд по ногате на день».

Следует сказать, что за ногату в те времена можно было купить целого барана. Кому-то эти сведения могут показаться не типичными. Это была, скажут «комсомольская стройка» с завышенными расценками. Однако, подобный уровень оплаты подтверждается и в «Русской правде» в статье «О поконе вирном», определяющей сколько вирнику следовало взять деньгами и натурой при исполнении своих обязанностей, следует ссылка: «То ти урок Ярославль». А за ней читаем: «А сей урок мостыникам: аще помостившие мост, взяти от дела ногата, а от городничих ногата». Таким образом, работник получал за каждую городню одну ногату и одну куну, а сверх того на прокорм деньгами или натурой: хлеб, мясо, рыбу, пшено и солод (на пиво или брагу). Паек довольно обильный — отмечает С. Г. Струмилин. Однако не только квалифицированные городские работники получали такую высокую плату. Батрачка

в деревне 12-го века получала за сезон (обычно с конца апреля и до октября) кроме содержания на хозяйских харчах гривну кун, или двадцать ногат, то есть могла купить 20 баранов и для сравнения скажем, что оплата рядового поденщика в Англии 13-го века составляла в неделю 34 кг. пшеницы, то есть была (если считать по эквиваленту) ниже оплаты русского рабочего.

В псковской летописи сохранились сведения о постройке каменной стены в городе Гдове. Зарплата работника на этой стройке составляла 15 новгородские деньги в день. По планам новгородских писцовых книг 15-го века за эти деньги можно было купить пол барана или около 24 кг. ржи. Хотя уровень в 2 раза ниже, чем в 12-м веке, но выше оплаты труда во Франции 15-го века. Здесь за дневную плату чернорабочего можно было купить либо около 4 кг. говядины, или 22 кг. ржи.

Герберштейн путешествовавший по России в первой четверти 16-го века, писал, что рядовой поденщик получал 15 московские деньги, а ремесленник 2 деньги в день. За 2 деньги тогда можно было купить около 5 кг. пшеницы или около 8 кг. ржи, или до одной четверти барана, что было в среднем на много выше заработка английского поденщика.

Сколько же получали русские рабочие в 17-м веке? Имеющиеся сведения, относящиеся к 1674 году говорят о том, что средний заработок в день рабочих-металлистов составлял мастера 57 копеек, для подмастерья — 38 копеек, для работника — около 10 копеек.

В год это выражалось, считая 250 рабочих дней в году, для мастера — 145 рублей, для подмастерья — 94 рублей, для работника — 25 рублей. По тем временам, учитывая дешевизну продуктов, такая оплата была достаточно высокой, пожалуй, одна из самых высоких в мире. Ведь на эти деньги даже работник мог купить в день не менее 50 кг. ржи, а уж мастер был очень зажиточным человеком.

Достаточно высокий и устойчивый уровень оплаты труда (прерываемый, конечно, периодами засух, неурожаев, войн и общественных смут) наблюдался в 17-ом веке и у сельскохозяйственных рабочих. Так, исследователь С. Тхаржевский определил, что поденная заработная плата наемных крестьянских работников-мужчин в 1640 году в Курской и Воронежской областях России при пахоте, жнитве и молотье составляла 10 денег (5 копеек) в день, а женщина-женя получала поденно в 3 копейки. На эти деньги крестьянин-мужчина мог купить 24 кг. ржи, а женщина — 15 кг. Почти через 300 лет — в 1909-1913 годах — средняя заработная плата русского сельхозработника в этих же местах была 96 копеек в день у мужчин (поднимаясь во время уборки хлеба в Воронеж-

ской губернии до 1 рубля 10 копеек) и 61 копейка у женщин. Таким образом рабочий мужчина мог купить на свой дневной заработок (исходя из цены ржи в 1910-1913 годах — 68,7 копеек) около 23 кг. ржи, а женщина — около 14 кг. Итак, отмечает С. Тхаржевский, за 300 лет мы почти не видим перемены: поденный корм сельхозработника 17-го века приблизительно равен (чуть выше) поденной заработной платы сельхозработного начала XX века в тех же самых местах.

Ну, скажите вы мне, а почему ты обходишь вопрос о положении крепостных крестьян? Видимо, прежде всего к ним относилось положение о нищенской оплате труда в России?

Но и здесь данные свидетельствуют несколько об ином.

Экономическое и имущественное положение русских крепостных крестьян в среднем было лучше положения крепостных крестьян в странах Западной Европы и прежде всего Германии и Франции.

Видный исследователь положения русского крестьянства Семевский провел подробное сопоставление повинности, которые платили или отработывали крепостные крестьяне в России и зарубежных странах, и сделал вывод, что эти повинности были примерно одинаковыми. Однако русские крестьяне имели два важных преимущества — гораздо больше земли и различных угодий на душу сельского населения, а также определенную социальную защищенность в форме крестьянской общины. Как правило крестьянин не мог быть обезземелен или стать нищим, ибо во многих случаях община помогала своим нуждающимся крестьянам. В России не было такого имущественного расслоения крестьянства как в Европе, где богатство небольшой части сельского населения покупалось ценой батрачества и обезземеливания абсолютного большинства крестьян.

Русские крестьяне в отличие от западноевропейских имели гораздо больше земли.

В середине 18-го века даже на помещичьих землях средний душевой надел составлял 12 десятин, куда входили пашни, покосы, усадебные земли, лес.

В первой половине 19-го века среднедушевой надел крестьян снизился в связи со значительным ростом населения и составлял по нашей оценке не менее 7 десятин. Хотя колебания здесь были огромные. В разных уездах Новгородской губернии на душу приходилось от 5 до 16 десятин. Но в некоторых даже густонаселенных районах, например, в Тверской губернии, крестьяне некоторых помещиков имели по 15-20 десятин на душу.

Перед отменой крепостного права были собраны подробные сведения о количестве земли, находившейся в распоряжении помещиков и предо-

ставленной в пользование крестьянам. Оказывается, что в 1860 году в Европейской России из 105 миллионов десятин земли, принадлежащей помещикам, 36 миллионов десятин было предоставлено крепостным крестьянам, а 69 миллионов десятин находились в распоряжении помещиков. Крепостных крестьян без дворовых считалось 9,8 миллионов душ мужского пола, то есть на душу крепостного крестьянина приходилось в среднем по России 3-4 десятины земли, хотя по отдельным губерниям были и колебания. Так в Курской губернии на душу крепостного крестьянина приходилось 2,3 десятины, в Тульской — 2,4, в Астраханской 3, в Олонецкой — 7. Приведенные цифры на душу населения следует увеличить в 2-3 раза и получаем средний размер земельного участка, принадлежащего на хозяйство — 6-12 десятин, что значительно превышало средний размер хозяйства, находящегося в личном пользовании, и был нередко равен и даже превышал размер фермерского хозяйства во Франции того же времени. И это в России середины 19-го века в условиях возрастающей нехватки земель!

Но вернемся в 18-й век. В это время самой высокой оплатой труда в западноевропейских странах славилась Англия. Однако уровень оплаты труда рабочих в ней значительно отставал от оплаты труда российских рабочих. Если в 1767 году рядовой английский рабочий мог купить на свою дневную зарплату 6 кг. зерна, то русский рабочий — 10-11 кг. Говядины на свой заработок английский рабочий мог купить в два раза меньше, чем русский. В целом уровень оплаты труда русского рабочего в 18-м веке был в два раза выше английского и почти в три раза выше французского.

В России сложилось так, что большинство рабочих на городских фабриках и заводах являлось членами сельских общин и имело землю. Фабриканту, чтобы привлечь их к работе на фабрику, нужно было платить больше, чем они могли заработать на земле.

Возьмем, к примеру, Сестрорецкий оружейный завод в Петербурге. Здесь в 1728 году мастера получали 120-240 рублей в год (а иностранцы мастера на много больше), подмастерья — 60 рублей, кузнецы — от 12 до 24 рублей. Кроме того, большинство рабочих получало продукты — муку и крупу.

Почти через полтора столетия, в 1860-1867 годах заработок рабочих-металлистов Сестрорецкого завода составлял для столяров 135 рублей в год (52 копейки в день), для кузнецов — 86-113 рубля в год (32-43 копейки в день), для замочников и литейщиков — 106 рублей в год (40 копеек в день), для шлифовщиков — 128 рублей в год (48 копеек в день), для столяров — 116

рублей в год (44 копейки в день).

Для конца 19-го-начала 20-го века у нас есть сведения о заработках рабочих-маталлистов по 17 петербургским заводам. В среднем они составляли на одного рабочего в год в 1891 году 359 рублей (или 1 рубль 25 копеек в день), в 1901 году — 431 рубль (1 рубль 50 копеек в день) и в 1904 году — 471 рубль (1 рубль 60 копеек в день).

В середине 19-го века в России путешествовал замечательный немецкий ученый барон Гакстгаузен, посетивший большое количество российских предприятий и изучивший систему оплаты труда на них. Вывод его был таков — «ни в одной стране заработная плата (фабричных рабочих) не достигает такой высоты, как в России». «Даже денежная заработная плата в России, — писал он — в общем выше, чем в Германии. Что же касается до реальной платы, то преимущество русского рабочего перед иностранным в этом отношении еще значительнее».

Перед самой революцией в феврале 1917 года обуховский сталелитейный завод в Петербурге определил минимальный прожиточный минимум среднего рабочего. Он равнялся для рабочего семейства из трех человек 169 рублей, из которых 29 рублей шли на жилье, 42 рубля — на одежду и обувь, остальные 98 рублей — на питание.

Интересно привести состав минимальных потребностей рабочего, составлявших этот бюджет. Жилье составляла одна жилая комната и кухня, включая как оплату за квартиру, освещение и отопление.

Одежда и обувь состояла из сапог — 20 рублей пара (из расчета по одной паре в год на человека), галоши — 6 рублей (одна пара в год на человека), комплект носильного платья 60 рублей (полтора комплекта в год), верхнее платье — 120 рублей за комплект (по одному на три года).

Минимальный месячный бюджет на питание состоял из расходов на: молоко — полторы бутылки в день по 35 копеек за бутылку, 2,1 кг. сливочного масла по 6,5 рублей за кг.; 2,1 кг. других жиров по 3,2 рублей за кг., мясо или рыба (день через день): 100 грамм мяса (20 копеек) на каждого члена семьи, 200 грамм рыбы (20 копеек), ежедневно на всех примерно 1 кг. ржаного хлеба (17 копеек), около 600 грамм пшеничного хлеба (30 копеек), 820 грамм картофеля (20 копеек), около 600 грамм капусты кислой (30 копеек), около 600 грамм крупы разной (22 копейки), полтора яйца, около 3,7 кг. сахара (2 рубля 70 копеек).

В бюджет не вошли расходы по стирке белья, передвижению на лечение, культурные цели, а также спиртные напитки и табак.

Для сравнения приведем размеры среднемесячных заработков, которые получали рабочие на обуховском заводе в 1917 году: рабочие первой категории (самые квалифицированные) — 400 рублей, второй категории — 350 рублей, третьей категории — 300 рублей, четвертой категории — 225 рублей и пятой категории — 160 рублей.

Академику Струмилину удалось доказать, что и в начале 20-го века заработки российских рабочих в крупной и средней промышленности были одни из самых высоких в мире, занимая второе место после заработков американских рабочих. Вот ход его рассуждений: средний годовой заработок в обрабатывающей промышленности США по цензу 1914 года достигал 573 долларов в год, 11,02 долларов в неделю, или 1,84 долларов в день. В перерасчете на

русскую валюту по паритету дневной заработной платы американского рабочего составлял 3 рубля 61 копейка золотом. В России по массовым данным 1913 года годовой заработок рабочих деньгами и натурой достигал за 257,4 рабочих дня 300 рублей, то есть не превышал 1 рубль 16 копеек в день, не достигая таким образом и трети (32,2 процента) американской нормы. Отсюда и делались обычно выводы о резком отставании уровня жизни российских рабочих от американских стандартов. Но с учетом сравнительной дороговизны жизни в этих странах выводы получаются другие. При сравнении розничных цен на важнейшие пищевые продукты, сказывается, что они стоят в США в три раза дороже, чем в России. Опираясь на эти сравнения, академик Струмилин делает вывод, что уровень реальной оплаты труда в промышленности России следует оценить не ниже 85 процентов американского. Таким образом, уровень оплаты труда в промышленности в России был достаточно высок и опережал уровень оплаты труда в Англии, Германии, Франции.

Высокий уровень оплаты труда в промышленности вполне соответствовал сравнительно высокой (для того времени) доле оплаты труда в национальном доходе, составляя в 1908 году около 55 процентов, то есть был близок американскому.

Кстати, весьма показательным для понимания экономического положения российских трудящихся является потребление мяса и мясных продуктов, составившее в 1913 году 70,4 кг. в год (в США — 71,8). Еще более высоким потреблением мяса было в городах Российской империи — в среднем 88 кг. на душу населения, при этом в Москве — 87, в Петербурге — 94, во Владимире и Вологде — 107, в Воронеже — 147. Еще больше мяса потреблялось в городах Сибири и Дальнего Востока.

Так, что же обеспечивало относительно высокий уровень оплаты труда и потребления российских трудящихся в течение многих веков?

Ответ на это прост — избыток земли и природных ресурсов в главном — трудолюбие народа.

Положение с оплатой труда резко ухудшилось после прихода к власти леворадикалов, начавших с 1918 года насаждать утопические идеи уравнилельного распределения. Осуществляется жесткая централизация оплаты труда в сторону всеобщей уравнилельности и обезличия.

В 1919 году вводится единая для всей страны тарифная сетка с 35 разрядами и соотношением крайних разрядов 1 : 5. По первым 14 разрядам тарифицировались рабочие, а с 15 разряда — инженерно-технический персонал.

Следующим шагом, доводящим до абсурда идею всеобщей централизации системы оплаты труда, стало «Общее положение о тарифе», подписанное Лениным в июне 1920 года. Документ устанавливал общие для всей страны нормы выработки, которые исходили из данных о некоей средней производительности труда. Декрет подробно расписывал тарифные ставки, нормы и порядок оплаты и премирования труда. Декларируя повышение производительности труда, опираясь на абстрактные утопические посылки, декрет на самом деле способствовал уравниловке, обезличке и дальнейшему падению производительности труда. К концу военного коммунизма зарплата была натурализована. Продукты выдавались рабочим и служащим по карточкам и твердым ценам, а в конце 1920 года — бесплатно. Бесплатно выдавались также производственная одежда, бесплатными были различные коммунальные услуги и транспорт. По исчислениям С. Г. Струмилина в 1920 году заработная плата натурой была в 12 раз больше ее денежной части, то есть создавалась идеальная уравниловка.

В 20-е годы и 30-е годы этап за этапом происходит чудовищное — планомерно снижается доля трудящихся во вновь произведенном продукте — в практику входит запланированная недоплата за труд. А Рабинович в книге «Экономика труда», вышедшей в 1926 году, заявляет, что «высокая зарплата механически снижает норму прибавочной стоимости». Отсюда делается вывод о необходимости повышения прибавочной стоимости за счет снижения заработной платы. Доля оплаты труда в чистом продукте промышленности, составлявшая в 1908 году 55 процентов, в 1928 году — 58 процентов, в 30-40-е годы резко снизилась, а в 1950 году не превышала 33 процентов. Таким образом, на каждые три рубля, созданные советским рабочим два отдавалось в казну, тогда как в США из трех произведенных долларов два доллара рабочих оставал себе. Формирование фонда оплаты труда работников по остаточному принципу становится государственным делом.

В Большой Советской Энциклопедии 30-х годов буквально декларируется, что «часть совокупного общественного продукта составляет фонд, предназначенный для возмещения израсходованных средств производства, для расширения резервов... Остаточную часть составляет фонд, предназначенный для удовлетворения потребностей социалистического общества в предметах потребления». Кстати говоря, в число первоочередных нужд включались и средства на содержание административного и репрессивного аппарата, что еще больше сужало совокупный фонд оплаты труда. Еще одним принципом объявляется то, что «индивидуальная зарплата, получаемая рабочими, является лишь формой участия в распределении созданного всем классом продукта». Таким образом обосновывается обезличие и уравнилельность.

Основывающаяся на этих принципах оплата труда работников, осуществлялась по тарифам, выработанным на самом верху бюрократического аппарата и почти не учитывала местные и отраслевые особенности. Более того, оплата рабочих, выполнявших один и тот же труд, могла произвольно устанавливаться центром по-разному для разных отраслей или даже отдельных предприятий, исходя из «высших государственных соображений». Слесарь или токарь в машиностроении получал значительно больше, чем в пищевой или легкой промышленности. Использование тарифных документов, не отражающих прямой связи между затратами и оплатой труда, свело к абсурду саму идею справедливого вознаграждения, материального стимулирования, обуславливало выводилку, потолок оплаты, уравнилельку, обезличку.

Огромный вред складыванию системы материального стимулирования нанес сложившийся в 30-е годы неэквивалентный обмен между государством и трудящимися. За счет значительного косвенного налогообложения по сути дела «дани» и товары ширпотреба рабочим и крестьянам приходилось платить за промышленные товары больше, чем они реально стоили. А как известно, в условиях завышенных цен материальные стимулы для большей части населения работают слабо.

Положение российских трудящихся ухудшалось еще и тем, что Россия была поставлена в неравноправное экономическое положение и была вынуждена безвозмездно отдавать часть своих ресурсов для развития других союзных республик. Делалось это через систему дотаций и неравноправных цен на российские продукты. Все это снижало реальную заработную плату российского трудящегося.

Попытки изменить порочную систему остаточного принципа в формировании зарплаты, неэквивалентного обмена, экономического неравноправия России, являющемуся причиной снижения реальной заработной платы российских трудящихся, наталкивались на яростное сопротивление госаппарата. Для него эта система служила источником существования, а точнее паразитирования.

Начиная с конца 20-х годов и без того плохие по сравнению с 1913 годом условия труда рабочих становились все хуже и хуже. Средняя месячная зарплата рабочего позволяла купить в 1913 году 333 кг. черного хлеба, в 1936 году — 241 кг.; масла — 21 кг. и 13 кг., мяса — 53 кг. и 19 кг., сахара — 83 кг. и 56 кг. В годы НЭПа рабочий тратил на питание около 50 процентов своей заработной платы, а в 1935 году — 67,3.

По официальным данным заработная плата советского рабочего возросла за 1929-1953 годы почти в 11 раз. Однако, эти данные не учитывали гигантского роста стоимости жизни. По расчетам американского ученого Жанет Чепмен стоимость жизни в СССР по сравнению с 1928 годом возросла в 1937 году в 5 раз, в 1940 году — уже в 7 раз, а в 1952 году — в 11 раз. И эти данные совсем не удивляют, если посмотреть на ценники товаров в разные годы. Цены на печеный ржаной хлеб возросли с 1928 по 1937 год в 10 раз, а к 1952 году — в 19 раз! Цены на говядину 1-го сорта в 16 и 17 раз; на подсолнечное масло в 28 и 34 раза; на яйца в 11 и 19 раз; на картофель в 5 и 11 раз! Вместе с тем увеличивались суммы обязательной подплатки на займы и налоги. В результате в 1952 году уровень заработной платы был ниже уровня 1928 года, хотя и превышал уровень зарплаты предвоенных лет.

Ж. Чепмен производит расчет, сколько продуктов может купить рабочий за один час работы в СССР и зарубежных странах. Так вот, если в 1928 году советский рабочий мог купить продуктов за один час работы в 4 раза меньше, чем американский и в 2 раза меньше, чем английский, то в 1950 году — уже в 7 раз меньше, чем американский и в 4 раза меньше, чем английский.

В 1929 году снова вводится карточная система: рабочий, провозглашенный хозяином страны, получает 600 гр. хлеба в день, а члены его семьи по 300 гр., жиров от 200 гр. до 1 литра, 1 кг. сахара в месяц. В 1930 и 1931 годы размеры выдачи по карточкам снизились. Мясо по карточкам почти не выдавалось, купить его можно было только по рыночным (очень высоким) ценам.

Для сравнения скажем уровень питания в средней русской артели середины 19-го века был в 3-5 раз выше, чем советского рабочего на стройках социализма в 1930-е годы. В артелях, например, полагалось на день грамм по 300 мяса, а хлеба и

каши сколько съешь, как тогда говорили — «от пуза».

Десятилетия, которые минули со смерти Сталина, мало что изменили в сложившейся в его время системе вознаграждения за труд. Она по-прежнему остается несправедливой, в большей степени уравнивающей, противоречащей народной психологии, вызывая апатию, раздражение и даже пассивный саботаж. Ведь по сей день продолжается практика недоплаты за труд, нарушается право труда получить экономически обоснованную долю во вновь произведенном продукте. Сегодня удельный вес оплаты труда в стоимости чистого продукта промышленности не превышает 37 процентов (в США 80-х годов 60-70 процентов), то есть, как и при Сталине, у рабочего отчуждается две трети созданного продукта. Да и методы отчуждения те же самые. Прежде всего остаточный принцип формирования фонда зарплаты. Трудящиеся вынуждены платить за промышленные товары в среднем в 2 раза больше, чем они реально стоят (а по некоторым това-

рам во много раз). На полную мощность работает печатный станок, выпускающая деньги, не обеспеченные товарами.

Еще больше усугубилось экономическое неравенство РСФСР. Российские ресурсы через систему дотаций и низких цен на российские продукты, вывозимые в другие республики, перекачиваются в их пользу (а это около 70 миллиардов рублей), сокращая без того нищенский прожиточный минимум российских труженников. Из кармана каждого жителя России в среднем изымается около 500 рублей в год.

Еще больше снижение уровня реальной заработной платы трудящихся происходит в результате бурного накопления в руках дельцов теневой экономики баснословных капиталов, украденных у народа путем различных махинаций и спекуляций. Сегодня общий объем воровских капиталов оценивается до 500 миллиардов рублей, а это больше годового фонда потребления всего населения СССР. Сосредоточив в своих руках

такую экономическую власть, дельцы теневой экономики контролируют 25-30 процентов нашего народного хозяйства, активно влияя на уровень реальной заработной платы. Ежегодно из кармана каждого труженника уплывает в лапы дельцов теневой экономики, спекулянтов и махинаторов не менее 1000 рублей.

В общем две трети своего рабочего дня простой труженник занят тем, чтобы прокормить ораву бесплодных чиновников и конторских служащих, легионы спекулянтов, махинаторов, дельцов-теневиков и их прожорливое окружение. Вы помните, что в 1914 году зарплата рабочих в крупной промышленности была в России одна из самых высоких в мире, приближаясь к американской, а сегодня одна из самых низких — составляя не более 15-20 процентов от уровня США. Многие простые труженники остро ощущают, то, что за их счет паразитируют большие слои людей. Специальный опрос, произведенный в Москве, показал, что 51 процент мужчин и 43 процента женщин считали вознаграждение за

свой труд не соответствующим трудовому вкладу.

По расчетам экономиста А. Зайченко 86,5 процентов населения нашей страны относится к малообеспеченным, а по американским стандартам живут ниже уровня бедности. Остальные 13,5 процента — богатые и обеспеченные семьи. Однако богатство и обеспеченность многих — результат незаконной деятельности. По оценкам того же экономиста две трети богатых семей построили свое богатство на незаконных, воровских источниках дохода. А среди обеспеченных семей половина паразитирует на дефицитных товарах, украденных опять же у народа. Разрыв в доходах между бедными и богатыми возрос особенно за последние 10 лет. По сравнению с началом двадцатого века число бедняков в нашей стране увеличилось в несколько раз. Таковы наглядные результаты социальных экспериментов леворадикалов.

ОЛЕГ ПЛАТОНОВ

Разбирая творчество Б. Ширяева, в статье «Писатель-монархист», в номере 2048 «Нашей Страны», П. Савельев перечисляет печатные органы, где тот работал, и называет «Возрождение», «Грани», «Нашу Страну», «Знамя России» и «Жар-птицу». Список неполон; и в частности, в нем отсутствует «Часовой», в котором была опубликована серия очерков под общим названием «От Ставрополя до Берлина», за подписью Алексей Алымов.

Мне это врезалось в память потому, что я тогда, заинтересовавшись автором, написал в редакцию брюссельского журнала, и получил оттуда его адрес, в одном из итальянских лагерей для перемещенных лиц. Фамилия была сильно перепутана (Seirivavaz вместо Sciriviev); однако, мое письмо-таки дошло по назначению; я получил любезный ответ и между нами установилась связь.

Поначалу между нами царили согласие и наилучшие отношения; Борис Николаевич даже именовал меня своим духовным сыном (он ведь был гораздо старше меня) и помянул добром в нескольких строках своей книги «Ди-Пи в Италии» (каковую я считаю самым лучшим из его произведений).

К несчастью, наша переписка окончилась ссорой и разрывом, о которых я теперь, ретроспективно, горько сожалею; но тогда все выглядело иначе, и трудно сказать, могло ли обернуться по другому.

Конфликт произошел по поводу солидаристов. Ширяев считал, что монархистам надо с ними заключить союз (не совсем себе представляю, в какой форме); вероятно, это не мало зависело от его сотрудничества в «Гранях».

Я же относился к НТС резко отрицательно. Помимо прочего, тому содействовали такие явления. В первые еще годы во Франции я, в составе группы новых эмигрантов, — как теперь бы сказали, из второй волны, — направил к Великому Князю Владимиру Кирилловичу обращение с выражением нашей преданности. Оно увидело свет на страницах аргентинской газеты «Вестник» («Нашей Страны» тогда не существовало).

В «Посеве» Е. Романов, один из вождей нацмалышников, реагировал на него передовицей с издевательскими по поводу «попыток гальванизировать полусгнивший труп российской монархии» и со злобными выпадами лично по моему адресу.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ДЕЛА ДАВНО МИНУВШИХ ДНЕЙ

Это рисует отношение к монархической идее тогдашних энтеэсовцев или, во всяком случае, их головки. Возможно, Борис Николаевич имел дело с людьми иного толка; которые порою в той же организации попадались (но, сколько могу судить, никогда в ней не делали погоды).

Для будущих историков зарубежной русской литературы и тем более для таковых монархического движения за рубежом, данные штрихи из биографии Ширяева могут оказаться, пожалуй, не лишними ценности. Почему я их здесь и восстанавливаю. Вообще, грустно, что до сих пор история нашего движения не

только не написана, но и ни в какой мере не подготовлена. Плохо, если ее будут сочинять наши враги, у которых, понятно, свой взгляд на вещи!

Попав в эмиграцию сразу после Второй Мировой войны, я имел сношения, по меньшей мере эпистолярные, с людьми как Б. Ширяев, Л. Норд и сам И. Солоневич, а во Франции и личные, с такими как Е. Ефимовский и даже князь Горчаков (считавшийся самым крайним зубром).

В те годы общественная жизнь в Париже до некоторой степени бурлила. Собрания, доклады, лекции, — в том числе монархические, имели место почти каждую неделю. Действо-

вали 5 или 6 монархических организаций, противопоставлявших левым, включая и солидаристов. Собрания и доклады сопровождалась часто оживленными спорами.

Относительно короткий период борьбы с совпатриотами, главарей которых французское правительство выслало в конце концов в СССР, утратил остроту после их разгрома; хотя один из их печатных органов, газета «Русские Новости», продолжал еще долгое время выходить.

«Русская Мысль» оказалась с самого своего создания захвачена в руки левыми и стала оплотом антинациональных сил. Журнал «Возрождение» никогда не являлся открыто монархическим, но по духу в основном им был. То же можно бы сказать и о даже более еще правой газете «Русское Воскресение», просуществовавшей, увы, всего года два. Такое положение предопределило постепенную деградацию русской эмиграции, не только во Франции, а и в Европе в целом (вернее, в том, что от Европы осталось, после торжества большевиков).

Мы держались тем, что издавались в других странах, главным образом заморских. Ньюйоркская «Россия» (опять-таки, отнюдь не полностью монархическая), «Знамя России» Чухнова в том же Нью Йорке (до этого он выпускал журнал, несколько раз менявший название, — в результате цензурных преследований, — в Германии, «Русский Голос» в Италии, «Русский Путь», первоначально под редакцией Ефимовского, печатавшийся на ротаторе, выходил, положим, в Париже, но с перерывами и не мог иметь должного резонанса.

Во всех этих изданиях я принимал активное участие; писал и в вовсе не монархических органах, где можно было кое-какие нужные мысли провести в печать, — «Русская Жизнь», даже «Новое Русское Слово». «Русская Мысль» была в этом отношении абсолютно безнадежна, и с нею контактов я избегал.

Сейчас мы видим пробуждение монархических чувств в самой России, — то, о чем всегда мечтали. Значит, наша работа велась не зря; важно было, чтобы «свеча не угасла». Теперь из искры возгорается пламя, по ту и по сю сторону советских рубежей; дай Бог, чтобы они слились в единый огонь, очищающий нашу страну и весь мир от коммунистической скверны!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

УМСА - PRESS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75 Paris 5. Tél.: 43.54.74.46

ВЫШЛИ В СВЕТ

Прот. Александр Шмеман
ВОСКРЕСНЫЕ БЕСЕДЫ

В книге собраны лучшие из церковных проповедей, наговоренных о. Александром на «Радио Свобода».

«Давно я уже с духовным наслаждением слушал по «свободе» проповеди о. Александра... и поражаюсь, как неподдельно, современно и высоко его искусство проповеди: ни ноты фальши, ни миллиметра натяжки... всегда сильная глубокая мысль и глубокое чувство». (А. Солженицын, из частного письма 1973 г.)
256 стр. 90 фр./17 долл.

И. Хоффманн
ИСТОРИЯ ВЛАСОВСКОЙ АРМИИ
(перевод с немецкого Е. Гессен)

«Эта книга написана с принципиально новых позиций. В отличие от общепринятой интерпретации, когда Власовская армия рассматривается как акция немецких кругов, в настоящей работе освободительная армия и освободительное движение рассматриваются сами по себе». Исследование новейшей русской истории, выпуск 8 (под общей редакцией А. И. Солженицына).
382 стр., 21 фотография 120 фр./22 долл.

Елизавета Рачинская
КАЛЕЙДОСКОП ЖИЗНИ
(воспоминания)

«Пестрота этой книги объясняется ее полифоническим характером... Прежде всего, она является памятником старой России, о которой было написано столько лжи и клеветы. Одновременно книга имеет целью запечатлеть интереснейшую главу в истории русской эмиграции — харбинскую эпопею, до сих пор мало освещенную».
430 стр., 20 фотографий 100 фр./20 долл.

Выписывайте наш новый каталог — Высылается по первому требованию!

Заказы направлять в книжный магазин:
LES EDITEURS REUNIS — 11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève. 75005 Paris, France.

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

РАЗДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИЙ

Раскол на две юрисдикции произошёл в эмиграции по причинам канонического и политического порядка. Однако, в дальнейшем их деятельность стала различаться по своему духу и направлению во многих областях жизни, вроде бы и не связанных тесно с этими вопросами.

Зарубежный Синод, что ему постоянно и ставили в упрек его противники, стремился не к прозелитизму среди иностранцев (хотя имея порою успех и в данной сфере), а к сохранению русского духа у своей паствы и к удержанию ее от денационализации. Естественно, что мысли его и его прихожан все время были обращены к родине.

Наоборот, Константинопольский Экзархат все больше увлекался идеями экуменизма, непрочь был, где казалось удобнее, переводить богослужения на местные иностранные языки и постоянно мечтал о вовлечении иноверцев в свою орбиту. Утрата молодым поколением русского языка его мало беспокоила, лишь бы оно оставалось в рамках православной религии.

Сильнее всего, впрочем, такие тенденции проявились у отколовшейся от него Американской Автокефальной Церкви. Там уже все сделалось ясным. Над нею царил мечта об американской православной Церкви на английском языке, которая объединяла бы людей независимо от их национальности, — греков, румын, сирийцев, ну и русских тоже, по принципу их американского гражданства. Надо только сказать, что другие-то православные иммигранты не больно стремились отречься от своих корней, от национальных обычаев и родного языка.

Итак, одна из двух основных

юрисдикций оставалась всегда повернутой лицом к России; она отдавалась заботе о пастве в изгнании, но в ней и в ее прихожанах жила неизменно надежда на возврат на родину. Именно для будущей России она сохраняла, дабы ей со временем вручить, человеческие кадры и чистоту церковного учения.

Напротив, вторая юрисдикция старалась покрепче обосноваться в чужеземном мире, поставив крест на Россию. Позиция сия выглядела вполне разумно в 30-е годы, когда отчизна находилась «за чертополохом», и еще более того после второй мировой, когда оскаленные зубы большевизма угрожали Западу и всему свободному миру.

Об иной еще юрисдикции, подчиненной Московской Патриархии, я не говорю: та, с циничной откровенностью, служила несправедливой власти Советов.

Ситуация стала в наши дни меняться. Железный Занавес продрывался и пошел трещинами. Контакты между нашими поработанными братьями и нами сделались возможными и даже интенсивными. И вот вопрос: которая из юрисдикций для подсоветского народа оказалась ближе и симпатичнее?

Можно предположить, что православные американцы или хотя бы, допустим, французы русского происхождения, забывшие русский язык и ничем не связанные больше с Россией, сравнительно мало интересны для верующих внутри России, выдержавших тяжелую борьбу за свои убеждения и продолжающих за них на каждом шагу бороться со властями.

Наоборот, настроенные патриотически и не стыдящиеся постоянно

повторять, что они русские, что они стремятся для себя и для своих дел сохранить свою русскость, и имеющие право сказать, что неусыбно молились за рубежом за «страждущую родину, Землю Российскую», прихожане и духовенство Зарубежной Церкви окажется к нашим соотечественникам, под игом до сих пор пребывающим, духовно бесконечно ближе.

Одним из факторов сближения между Синодом и Россией, и наоборот, фактором размежевания между Россией и юрисдикциями, не подчиненными и, прямо говоря, враждебными Архиерейскому Синоду, явилось, без сомнения, канонизация новомучеников, со столь горячим энтузиазмом встреченная в России, — словно бы и инициатива исходила оттуда, а не из эмиграции! Зарубежная Церковь как нельзя лучше доказала, что умеет понимать чувства подсоветского народа (которые стали чуждыми и неясными, вполне закономерно, для американизированной или европеизированной юрисдикции).

Для людей в СССР, где почти каждая семья кого-либо из близких потеряла в *большой террор* (или еще раньше), где многие на своей шкуре испытали ужасы чекистских преследований, прославление жертв большевизма есть дело, интимно касающееся их души и сердца. Противодействие акту причисления страдальцев к лику святых воспринимается там, более или менее, как личное оскорбление.

Самый благой дружеский совет, какой бы мыслимо дать возглавителям левых юрисдикций за рубежом, был бы — взять обратно свои возращения и присоединиться, по этому

пункту, к Заграничному Синоду.

Только — это ведь трудно сделать. В удобное ли положение поставит себя тогда, к примеру, такой публицист как г-н Н. Струве, горячо ратовавший против канонизации и выдвигавший против оной, в печати, целую цепь тяжелых (хотя и неосновательных) и хитроумных (хотя и ложных) доводов? А уж американская юрисдикция просто и не может выступить с признанием в качестве святых Царской Семьи: республиканские догмы и устои Соединенных Штатов подобных отклонений не допускают!

Лучший выход, в наличной ситуации, есть, сдается, следующий: В случае восстановления истинной России, кадрам Экзархата — оставаться за границей и практиковать проповедь среди иноверцев и окормление деруссифицировавшейся части эмиграции (многие из ее прихожан, бесспорно, уедут домой). Об Американской Церкви нечего и говорить: ее задача — верно служить своему правительству и работать на тех американцев, которые почему-либо предпочитают православный обряд другим формам религии. С Россией у этих юрисдикций могут наладиться дипломатические отношения, как с любой иною православной страной.

Вот для Синодальной Церкви, ее пастырей и верных, путь лежит к возврату в Россию, где они призваны сыграть важную роль, заменив нынешнюю Церковь Московской Патриархии и приняв в свое лоно наиболее здоровую ее часть.

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ

Нам пишут из Москвы:

Газета «Известия», в своем приложении «Союз» с неодобрением отозвалась о состоявшемся в Москве фестивале «Российские встречи». Газета написала, что «те кому в тот вечер удалось попасть во Дворец спорта «Юбилейный», уже с порога переносились в иную эпоху, иное временное измерение. Портреты последнего российского государя в руках многих присутствующих, то тут, то там мелькающие мундиры обер-офицеров драгунского полка, молодые люди с широкими окладистыми бородами... Позже будет исполнено «Славься» Глинки — все встали — и минута молчания в память «убиенного государя императора». И все это была отнюдь не форма, а глубинная суть происходящего».

Открывая «литературные чтения» пи-

Каждая новая подписка на «Нашу Страну» увеличивает возможности пересылки газеты нашим соотечественникам в Россию.

сатель С. Викулов обозначил их главной задачей «борьбу за возрождение России, русского самосознания, русской культуры» и подчеркнул, что необходимо раз-обратиться почему после революции у руля власти оказалось нерусское правительство. Затем московская поэтесса Е. Макарова прочитала стихи начинающиеся словами: «Николай-чудотворец, спаси же Россию от срама...»

«НЕВСКИЙ ВЕСТНИК»

Нам пишут из Петербурга:

Выходящий здесь под редакцией В. В. Антонова неформальный православный журнал «Невский духовный вестник» назвал «очень осторожным» заявление «монархической газеты «Наша Страна», выходящей в Буэнос-Айресе, о рябовском деле по «обнаружению» останков Царской Семьи, которое вызвало у многих сильнейшее сомнение». Журнал написал также, что издаваемый иеродиаконном Дионисием (Макаровым) монархический информационный бюллетень «свидетельствует об оживлении монархических настроений, никогда в стране не умиривших; им предстоит пройти долгий путь распространения и признания, так как огромная часть нашего народа имеет самые превратные и бессвязные представления о самой идее монархии и ее воплощения в истории». По мнению «Невского духовного вестника» главное в этом деле, «чтобы делалось оно чистыми руками и светлыми умами без авантюризма и экстремизма и диссидентского тщеславия — идея-то ведь великая!»

Среди книг

ПЕРЕД ВЕЛИКИМ КРАХОМ

Когда читаешь или перечитываешь сочинения писателей или публицистов, особенно второстепенных (выдающиеся-то, те иной раз кое-что прозревали в грядущем), иностранцы и главное русских конца прошлого и начала нынешнего века, — дивись их слепоте и их наивному оптимизму, в момент, когда человечество стояло на пороге страшных событий.

Возьмем к примеру посредственного писателя П. Гнедича и его сборник рассказов «Песьи мухи», датирующийся десятилетиями нашего столетия. В нем, в рассказе «Черт», мы находим следующее уверенное заявление:

«Мир идет к торжеству добра, мира и справедливости... Я черт не иначе себе представляю, как вздыхающим о кошмарах инквизиции, о прежних папах, о почтенном рыцаре Синеи Бороды, распорывшем животы у нескольких тысяч младенцев, о Гелиогабале, о наших старых судах, о Тридцатилетней войне!»

Черт мог с немалым удовольствием посмеяться над своими рассуждениями! Ему ведь предстояло торжество, до которого и сам автор книжки наверное дожил: такие войны и такие ужасы, которые по количеству и по качеству далеко оставляют за собою все прежние. Гелиогабалу не по плечу было бы равняться со Сталиным или хотя бы Гитлером, и что же такое инквизиция по сравнению с Большим Террором в СССР?

Савва Юрченко

«ТУМОНДС.Р.Л.»

Новое туристическое бюро.
Групповые и одиночные поездки во все концы мира.
Турне. Конгрессы. Съезды.
Говорят по-русски. Обращаться к Евгении Николаевне
Меньшиковой.

Адрес: Lavalle 636, 2º — of. 2, Capital. Tel. 322-2232.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18-9-1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: М.В.Киреев. Редактирует Ред. Колл. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina, тел. 544-0530. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются. При перепечатке ссылка на источник обязательна.

Цены за 1 экз: Австралия — 0.80 ам. долл.; Германия — 1.80 н.м.; Франция — 5 фр.; Италия — 1100.- лир; США — 0.80 ам. долл.; Аргентина — 2000.- австр. В остальных странах — 0.80 ам. долл. Цена объявлений: за 1 см. в 1 кол. — стоимость 4 экз. газеты. Чеки: Miguel Kireeff, for deposit only. Банк. переводы только на: Citibank, N. A., 693 E. Jericho Turnpike, Huntington Sta., NY 11746, USA. Account N° 78516453

©"NASHA STRANA"—"NUESTRO PAIS". Semanario monárquico ruso. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578, 1430 Buenos Aires, Argentina.

Correo Argentino Sucursal 30 (B)	Franqueo pagado. Conces. N° 4233 Interes General. Conces. N° 3980
-------------------------------------	--